

ОТЧЕТ О МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «УСАДЬБА РЕАЛЬНАЯ – УСАДЬБА ЛИТЕРАТУРНАЯ»

25–26 сентября 2020 г. в Москве, в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН (ул. Поварская, 25А), а также на территории Государственного литературно-мемориального музея-заповедника А.П. Чехова «Мелихово» (Московская обл., г.о. Чехов, с. Мелихово) работала Международная научная конференция «Усадьба реальная – усадьба литературная», проходившая при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 18-18-00129 «Русская усадьба в литературе и культуре: отечественный и зарубежный взгляд» (рук. О.А. Богданова).

Основной задачей конференции стало сопоставление вариантов «усадебного топоса» в произведениях русской литературы и литературы других народов мира конца XIX – начала XXI в. с их реально-эмпирическими прототипами, которые, как правило, жили в памяти и воображении творцов художественных образов. На материале произведений Л.Н. Толстого, Н.Г. Гарина-Михайловского, А.П. Чехова, И.А. Бунина, Г.И. Чулкова, А.Н. Толстого, Е.Н. Чирикова, Б.К. Зайцева, В.В. Набокова, Н.Н. Евреинова, М.М. Пришвина, С.Н. Дурылина, Е.Р. Домбровской и других русских писателей выяснялись закономерности преобразования реальных элементов усадебного комплекса – дома с его разнообразным убранством, сада с цветниками, аллеями и беседками, водоема, ворот, храма – в детали предметной изобразительности и многослойную символику мира художественного произведения.

Серьезно представленный компаративный аспект позволил акцентировать в «усадебном топосе» универсальные черты, актуальные как для русской литературы, так и литератур Польши, Испании, США, Италии, Англии, Франции и проч. В частности, были исследованы античные истоки «усадебного топоса» русской литературы путем сопоставления русской «усадебной» поэзии XX в. с древнеримской (Гораций) и испанской эпохи Ренессанса (фрай Луис де Леон). Обратили на себя внимание и жизнетворческие параллели между

«усадебными» персонажами Н.В. Гоголя и загородным бытом французских авангардистов первой половины XX в. (Эльзы Триоле и Луи Арагона).

Крайние точки временного диапазона рассматриваемого на конференции русского «усадебного текста» – конец XIX и начало XXI в., или от позднего творчества Л.Н. Толстого до молодых современных поэтов А. Горбуновой и В. Бородина. Особое внимание было уделено особенностям изображения усадьбы в творчестве А.П. Чехова и чеховским традициям в «усадебном тексте» XX в. Ряд докладов был посвящен трансформациям образа усадьбы в литературе советского периода в творчестве А.В. Чаянова, Ф.В. Гладкова, М.М. Пришвина и др. – порой диаметрально противоположным и по материалу, и по коммуникативным стратегиям, и по авторской оценке. На конференции происходило и пополнение корпуса «усадебного текста» русской литературы благодаря анализу содержания одного из ключевых журналов Серебряного века – «Русская мысль» – за 1900–1917 гг.

Были продолжены исследования в области поэтики «усадебного текста», в частности референций «усадебного топоса» в произведениях русского символизма в лице таких его представителей, как И.Ф. Анненский, А.А. Блок, А. Белый, Г.И. Чулков, С.М. Соловьев.

Тематические секции конференции, в соответствии с ее главной научной интенцией, были ориентированы в первую очередь на изучение и осмысление эго-документов конца XIX – XX в. (мемуаров Б.Н. Чичерина, дневников потомков А.С. Пушкина, «берновских преданий» А.Н. Понафидиной, О.Н. Вульф и А.Н. Болт) и автобиографического субстрата художественных произведений символистов начала XX в., В.В. Набокова, М.М. Пришвина и др. Хотя любому вдумчивому читателю очевидна связь картин ростовского Отрадного в «Войне мире» Л.Н. Толстого с Ясной Поляной, одинцовского Никольского из «Отцов и детей» И.С. Тургенева со Спасским-Лутовиновом, имения Сорина из «Чайки» или Песоцкого из «Черного монаха» А.П. Чехова с Мелиховом, усадьбы Ольги Петровны из «Митиной любви» И.А. Бунина с Озёрками, имения Ивняки из «Дома на песке» Г.И. Чулкова с харьковской

усадьбой Лансере-Серебряковых Нескучное, совсем непросто выявить и исследовать структурные механизмы ее реализации. Процесс претворения жизненных впечатлений в художественные образы проясняется благодаря использованию определенных категориально-методологических подходов, обсуждению которых на конференции было уделено значительное время. Речь шла и об уже знакомых «усадебном хронотопе» и «усадебном топосе», и о новых категориях «неомифологический модус», «гетеротопия усадьбы», «усадебный габитус», которые «обкатывались» при текстуальном анализе произведений символизма и соцреализма советского периода. В докладах, посвященных диахроническому рассмотрению общих признаков и особенностей «усадебного текста» (о понятии «литературная усадьба», о конститутивных чертах усадебного быта, о житнетворческом потенциале усадьбы как поведенческом сценарии, о типологии усадебного комплекса и соотношении «усадьба – монастырь») актуальным инструментарием становились методы «нового историзма» и «культурного трансфера», контекстуальный подход и семиотика культуры повседневности.

Традиционно в рамках конференций и семинаров по «усадебному» проекту пристальное внимание уделялось изучению смежного понятия «дачного топоса» (в текстах В.О. Михневича, Н.А. Лейкина, А.П. Чехова, С.Н. Дурьлина, К.И. Чуковского, М.М. Пришвина и др.). Благодаря междисциплинарному характеру научного мероприятия на конференции встретились исследователи различных гуманитарных дисциплин: филологи, историки, педагоги, театроведы, музееведы, историки архитектуры – такой состав участников позволил подойти к сопоставлению разных сфер репрезентации единого феномена русской усадьбы с междисциплинарным охватом и разнообразным научным аппаратом, стимулирующим начатые в рамках проекта тезаурусные исследования в литературоведческом усадебоведении.

В ходе конференции был рассмотрен ряд проблемно-тематических направлений, в первую очередь продолжены формирование тезауруса

«усадебных» исследований и верификация основных категорий: «усадебный топос», «усадебный миф», «усадебный текст», «поэтосфера» русской усадьбы и др.; обсуждены семиотические трансформации усадебного сверткста русской литературы в постусадебный период (во второй и последней трети XX в.) и выявлены последствия перенесения топоса усадьбы в поле памяти и воображения – а именно уподобление пространственной организации усадьбы ментальным процессам и социокультурная деконтекстуализация образа усадьбы; особое внимание было уделено проблеме диахронического трансфера «усадебных» поведенческих стратегий в ситуациях утраты контекста их возникновения; были рассмотрены варианты репрезентаций «усадебного мифа» в русской литературе 1910–1920-х гг. и в контексте житнетворчества русской эмиграции первой волны; установлено определяющее значение родовой усадьбы в культурной преемственности от эллинистических колоний античности до современности в творчестве крупных представителей литературы Франции; продолжено рассмотрение феномена русской дачи в отечественной литературе и культуре, начат дифференцированный анализ элементов «дачного топоса» и наполняющих его дискурсов.

Во многих докладах усадьба анализировалась как особая форма организации пространства, что актуализировало в исследованиях по проекту научно-методологический дискурс по изучению художественного пространства (труды П.А. Флоренского, М.М. Бахтина, Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского, В.Н. Топорова и др.).

На конференции впервые в литературоведении были представлены подходы к феномену усадьбы со стороны его экономической составляющей, т.е. с позиций литературно-экономической антропологии, разработка которой начата на рубеже XX–XXI вв. на страницах журнала «Новое литературное обозрение» (в публикациях М. Гронаса, С.Л. Фокина, А.П. Ураковой и др.) и продолжена в 2018–2020 гг. на тематических конференциях в СПбГУ.

В конференции «Усадьба реальная – усадьба литературная» принял участие 41 докладчик из 10 городов и населенных пунктов России (Москвы,

Санкт-Петербурга, Твери, Пскова, Костромы, Оренбурга, Екатеринбурга, Красноярска, Гурзуфа, Чехова и др.) и 6 зарубежных стран (США, Японии, Польши, Италии, Испании, Беларуси). Помимо двух представительных пленарных заседаний: «Усадьба как мировой феномен: история, архитектура, литература, театр» (в первой половине дня 25 сентября в Каминном зале ИМЛИ РАН) и «В усадебной парадигме А.П. Чехова» (26 сентября в актовом зале усадьбы Мелихово), во второй половине дня 25 сентября научная работа конференции распределялась по четырем секциям: «Усадебно-дачные сюжеты и образы в русской культуре XX–XXI вв.», «Русская усадьба в поэзии и прозе конца XIX – начала XX в.», «Усадьбы в пространствах Европы», «Русская дача в реальности и словесности».

Из-за сложной эпидемиологической ситуации в России и мире заседания конференции проходили в смешанном формате – очном, заочном и онлайн. Все иностранные и большинство иногородних докладчиков выступали и участвовали в дискуссиях удаленно, на платформах Skype и Zoom. Тем не менее и научное общение, и плодотворное обсуждение, и обмен идеями состоялись и были высоко оценены коллегами.

В рамках Международной научной конференции была организована насыщенная культурная программа, непосредственно связанная с проблематикой конференции. 26 сентября на территории усадьбы А.П. Чехова Мелихово участников конференции встретила зам. директора по научной работе музея-заповедника **А.А. Журавлева**. Помимо Второго пленарного заседания конференции, ею были организованы две экскурсии: по усадьбе А.П. Чехова и по усадьбе Васильчиковых-Гончаровых Лопасня-Зачатьевское. Первую экскурсию по интерьерам господского дома Мелихова (кабинет и спальня А.П. Чехова, гостиная, столовая, комнаты членов семьи писателя), флигеля, где была написана «Чайка», кухни, амбулатории и территории парка с прудом, сада и огорода провели **С.А. Стенчикова** и **Л.Н. Гросул**. Вторую – в усадьбе Васильчиковых-Гончаровых в черте городского округа Чехов Московской обл. – **А.Б. Савинов** и **Г.Н. Тимошкова**. Благодаря

квалифицированным консультациям сотрудников музея-заповедника участники конференции получили представление о контексте создания многих известных «усадебных» текстов русской литературы, в частности «Крыжовника», «Черного монаха», «Дяди Вани» и «Чайки» А.П. Чехова, «Дубровского» и «Евгения Онегина» А.С. Пушкина.

25 сентября в рамках конференции были с успехом представлены три книги, вышедшие в 2019–2020 гг. в составе новой научной книжной серии «Русская усадьба в мировом контексте», издающейся по плану проекта РФФ:

- Богданова О.А. Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология: Монография. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 288 с. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 1).
- Русская усадьба и Европа: диахрония, ностальгия, универсализм: Коллективная монография / Сост. и отв. ред. О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2020. 352 с. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 2).
- Феномен русской литературной усадьбы: от Чехова до Сорокина+: Коллективная монография / Сост. и отв. ред. О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2020. 344 с. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 3).

Научная работа конференции открылась 25 сентября в Каминном зале ИМЛИ РАН Первым пленарным заседанием. Второе пленарное заседание состоялось в зале Государственного литературно-мемориального музея-заповедника А.П. Чехова «Мелихово» 26 сентября.

С приветственным словом к участникам конференции обратилась руководитель проекта Российского научного фонда № 18-18-00129 «Русская усадьба в литературе и культуре: отечественный и зарубежный взгляд», ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН, д.ф.н. **О.А. Богданова**. Она подчеркнула актуальность конференции, которая призвана внести существенный вклад в изучение «усадебного текста» русской и мировой литературы, продемонстрировав его релевантность константной усадебной реальности.

Первое пленарное заседание **«Усадьба как мировой феномен: история, архитектура, литература, театр»** открыл доклад доктора гуманитарных наук, ординарного проф. и заведующего кафедрой русской литературы Средневековья и Нового времени филологического ф-та Ягеллонского университета (Краков, Польша) **В.Г. Щукина** *«Литературная усадьба: определение и попытка типологии»*. Известный ученый выступил с дискуссионным представлением о русской литературной усадьбе, не включив в него усадьбы, изображенные в произведениях словесности. По мысли В.Г. Щукина, усадьбы изначально представляли собой координационные центры сельских поместий – наделов земли, которые дворяне получали за свою службу Государю и Отечеству. В первую очередь они были призваны выполнять хозяйственные функции. Жизнь подавляющего числа усадеб этими функциями и ограничивалась.

Со временем, однако, усадьбы становятся центрами культурной, в том числе литературной жизни. К концу XVIII в. появляются литературные усадьбы. Этот культурный феномен можно определить как *усадьбу, в жизни обитателей которой чтение художественной литературы и/или создание оригинальных произведений художественной словесности занимало заметное место и составляло факт, известный в образованных кругах общества.*

Человеческие документы, в которых нашла отражение культурная жизнь в литературных усадьбах, позволяют выстроить градацию разновидностей последних. Первую разновидность представляют собой усадьбы, владельцы или жители которых сумели собрать обширные библиотеки художественных произведений на разных языках, но сами литературным творчеством не занимались. Широко распространенные дамские альбомы могли включать в себя некоторые элементы творчества, но не настолько, чтобы создать публичную репутацию писательского приюта. Вторая разновидность – это усадьбы, в которых имела место регулярная литературная жизнь вне печати. Там составлялись домашние журналы, писались и ставились театральные пьесы, создавались либретто для домашних опер и балетов, устраивались

литературные вечера с чтением поэзии и прозы, чужой и собственного сочинения. К третьей разновидности можно отнести усадьбы, в которых жили и трудились писатели, не обязательно первого ряда. Эти сельские писательские дома (в XIX и в начале XX века их были сотни) далеко не всегда были местами, которые притягивали к себе других писателей и прочих литературных деятелей и в которых регулярно протекала вошедшая в историю литературная жизнь. И Даровое, нашедшее отражение в творчестве Достоевского, и Щельково Островского, вошедшее в историю театральной, но не литературной жизни, и Серебряный Колодезь Андрея Белого вполне можно отнести к этой разновидности. Четвертую разновидность составляют широко известные в свое время (но не обязательно сегодня) *литературные гнезда* – усадьбы, в которых регулярно собирались мастера слова и литературные деятели – участники и гости культурных салонов и кружков. Приятное Олениных, вилла Зинаиды Волконской в Риме или Соколово, в котором проводили лето друзья и приятели Герцена, могут послужить примерами такого рода гнезд. Литературные гнезда этого типа сыграли немалую роль в развитии литературы и шире – духовной культуры, но ныне широкому кругу образованных людей они далеко не всегда известны, и никакой культурной мифологии вокруг них не возникло. И, наконец, к пятой разновидности можно причислить *легендарные литературные гнезда*, породившие общеизвестные культурные мифы, в которых еще в первой половине XX века были созданы музеи, ставшие целью массового паломничества. Таких «культовых» гнезд совсем немного: это Михайловское, Болдино, Тарханы, Спасское-Лутовиново, Абрамцево, Ясная Поляна, Остафьево, Мураново, и Мелихово. Как бы с другой, нелитературной стороны, к этой разновидности примыкают усадьбы художников, композиторов, великих ученых, а также не усадьбы, а городские дома и дачи великих писателей.

В докладе *«Русский усадебный быт: литературно-художественный и теоретико-литературный аспекты (роман “Николай Переслегин” в творчестве Ф. Степуна и Н. Анциферова)»* д.ф.н., зам. директора ИМЛИ РАН по научной работе, зав. Отделом рукописей ИМЛИ РАН Д.С. Московская

рассмотрела философское содержание «романа в письмах» Ф. Степуна «Николай Переслегин», которое очевидно не исчерпывается важнейшей для культуры Серебряного века темой духовного смысла брака. Вторая, столь же важная, тема – память. В изгнании в 1924 году в романе «Николай Переслегин» Степун изобразил село Клементьево Можайского района, где совершаются поворотные события романа, и село играет немалую роль в этом свершении. В 1880 году эта барская усадьба графов Ефимовских с господским домом с парком и прудом была выкуплена государством под артиллерийский полигон Московского военного округа. К моменту приезда Степуна в Клементьево там была Введенская церковь, прекрасный парк, в его глубине на берегу Исконы стояло здание офицерского собрания. Все эти локусы упоминаются в романе. Из описания выпал лишь построенный в 1901 году памятник императору Александру II, и герой не входил в Введенский храм. Степун изображает Клементьево глазами Переслегина, но память воскрешает переживания автора. В описании пыль, скука, жара и торчащие к небу тупые мортирные морды соседствуют с синевой неба, влажной и нежной зеленью. В офицерском собрании «чарующая легкость русской жизни»: гитара, попойка, театральные постановки, балы. В описании крестьянского быта – ухоженность, достоинство, религиозность быта крестьянских усадеб. Анциферов выписал из романа Степуна цитату о преобразующей и творческой силе памяти. Вслед за Степуном он подчеркивает, что воспоминание – это искажение этическими и эстетическими оценками изжитого. Согласно Степуну и Анциферову, усадьбу Клементьево из «Переслегина» можно найти лишь на «менатальной карте памяти», соединяющей географическую карту с проложенными на ней символическими маршрутами.

Программа заседания продолжена докладом к.ф.н. **Л.Н. Летягина**, зав. кафедрой эстетики и этики РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург), *«“Месяц в деревне”»: литературный текст как поведенческий сценарий*», в котором было отмечено, что литературный текст и реальное бытовое поведение нередко выступают как коррелирующие ценностные модели. В. Томашевский

утверждал, что «взаимоотношения жизни и литературы стали запутанны в романтическую эпоху». Воплощение художественного образа в системе жизненных сценариев до настоящего времени остается проблемой малоисследованной.

Тип усадебного поведения (шире – стиль жизни) предполагал разработанность исторически определенной жанровой системы, охватывающей широкий круг повседневных реалий. В системе сценарных отношений индивидуальный поступок как ответственный акт самореализации исторического героя становился универсальным условием выражения литературного опыта и формирования новой культурной реальности, что представляется актуальным при рассмотрении текстов Пушкина, Тургенева, Чехова, Бунина.

Доклад проф. МГУ, к.ф.н. **О.Н. Купцовой** *«“Красивый деспот” – усадебная пьеса Н.Н. Евреинова: литературный и театральный контекст»* был посвящен исследованию основ усадебной пьесы Н.Н. Евреинова «Красивый деспот» (опубл. в 1907 г.). Ими стали его театральные теории («театр как таковой», «театрализация жизни», «театр для себя»), историко-театральные исследования (прежде всего в области крепостного театра), театральная практика (реконструктивные постановки Старинного театра, пассаизм). Однако круг тем, поднятых Евреиновым в драме, гораздо шире, он затрагивает и общие социальные проблемы: прежде всего рабство (отношения помещика и крепостных) и его ретроспективную оценку. Ставится также вопрос равноправия полов и гендерных ролей. Более узкий и специализированный срез пьесы – отношение к усадебной культуре. В частности, Евреинов оказался в числе тех современных ему деятелей искусства, которые идеализировали «бесполезную красоту» дворянских усадеб (пейзажи, архитектуру, интерьеры, предметный мир). В докладе рассматривается место «Красивого деспота» в ряду усадебной драматургии XIX – начала XX в. (от Тургенева до Чехова).

В докладе д.ф.н, в.н.с. ИМЛИ РАН **О.А. Богдановой** «*“Усадебный текст” Георгия Чулкова: неомифология писательских имен в повести “Дом на песке” (1910–1911)*» была рассмотрена концептуализация литературных имен А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и других русских и иностранных писателей (И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, Ф. Ницше, Данте) как одна из вариаций «неомифологического модуса» в репрезентации «усадебного топоса» в прозаическом творчестве крупного писателя-символиста Серебряного века Г.И. Чулкова. В первую очередь показано, что оппозиция Пушкин – Лермонтов коррелирует с общей для «младшего» символизма мифопоэтической дихотомией дня и ночи, солнца и луны, Аполлона и Диониса, эпоса и трагедии, включаясь в неоромантическое двоемирие с его бесконечным круговоротом символов. Кроме того, исследовано, как с помощью лермонтовско-дионисийских коннотаций происходит дискредитация и разрушение «усадебного мифа» Серебряного века. Последний, в интерпретации Г.И. Чулкова, восходит к аполлонической солнечности Золотого века русской культуры, маркируемого именем Пушкина и его романом «Евгений Онегин», в котором деятели Серебряного века усматривали высшее выражение русской «усадебной культуры». Основное внимание уделено центральному произведению «усадебного текста» Г.И. Чулкова – повести «Дом на песке» (1910–1911), незаслуженно забытому шедевру русской прозы. Семиотика имен Пушкина и Лермонтова в этом произведении восходит к значимым для автора работам его современников В.В. Розанова, В.С. Соловьева, Д.С. Мережковского, Ф. Сологуба, А. Белого, А.А. Блока.

Доклад **Уильяма Крафта Брумфилда**, проф. Тулейнского ун-та (Новый Орлеан, США), PhD в области филологии, «*Усадебное пространство Уильяма Брумфилда*» был посвящен анализу деятельности известного американского фотографа и историка русской архитектуры У.К. Брумфилда по изучению и сохранению русского усадебного наследия. Активный член Американского общества любителей русской усадьбы, во главе с Присциллой Рузвельт, написавшей замечательную книгу «Жизнь в русской усадьбе: опыт социальной

и культурной истории», он сделал для нее многочисленные фотографии. Докладчик рассказал о своей англоязычной книге «Lost Russia» («Потерянная Россия»), вышедшей в США в 1995 году. В ней соседствуют фотографии церквей и монастырей XV–XX веков со снимками заброшенных, разрушенных временем, преднамеренным пренебрежением и культурным вандализмом усадебных домов. Это соседство не случайно, так как храм традиционно является неотъемлемым элементом усадебного комплекса. С некоторой долей вероятности то же можно сказать о русском монастыре. Формально, конечно, он всегда был самостоятельной архитектурной и пространственно-культурной единицей, однако соседние помещичьи усадьбы, как правило, поддерживали его существование и давали импульс к развитию. Можно сказать, что нередко монастырь и усадьбы составляли единое духовно-культурное целое, пример чему можно увидеть, обратившись к знаменитому Спасо-Яковлевскому монастырю в городе Ростове Великом и усадьбе графов Шереметевых Вошажниково в Ростовском уезде Ярославской губернии. Можно привести и другие примеры: скажем, усадебный куст в Тульской губернии (усадьбы Хомякова Богучарово, Петрищево, Уткино, Долбино Киреевских, Мишенское Буниных-Жуковского) и монастырь Оптиная Пустынь. Последующая часть доклада была посвящена подробному рассмотрению духовно-культурных связей Спасо-Яковлевского монастыря и близлежащей усадьбы графов Шереметевых.

Е.Е. Дмитриева, д.ф.н., в.н.с. ИМЛИ РАН, проф. РГГУ, преподаватель Французского унив. колледжа в Москве (CUF), выступила с докладом *«Старосветские помещики с мельницы Вильнев: Эльза Триоле и Луи Арагон»*. Она отметила, что к традиции усадебной жизни культовая пара Эльза Триоле и Луи Арагон имела, казалось бы, малое отношение. Но неожиданно в начале 1950-х годов Арагон дарит Эльзе участок земли в 50 километрах от Парижа, считая, что его жена, иностранка, которая не переставала испытывать ностальгию по России, должна иметь свой собственный кусочек Франции. Участок этот носит название «мельница Вильнев».

Поначалу Триоле и Арагон используют Вильнев как дачу, приезжая сюда на выходные и праздники. Потом все больше и больше начинают творчески осваивать пространство дома и сада.

В докладе было рассмотрено, как новый усадебный опыт, который Арагон и Триоле приобретают на склоне лет, сказывается в их творчестве, определяя тему памяти, противящейся забвению, в поздней прозе Арагона (роман «Бланш или забвение») и – параллельно – тему воскресшей памяти героя, попавшего в загородную усадьбу, перечитывающего письма бывшей его хозяйки и заново переживающего чью-то чужую, казалось бы навсегда угасшую жизнь (роман «Луна-парк»). Последнее сближает роман с пьесой Н. Евреинова «Красивый деспот».

О своей последней книге (романе) «Соловей замолкает на заре» («*Le rossignol se tait à l'aube*», 1970) Триоле незадолго до кончины так писала своей сестре Лиле Брик: «В летнюю ночь сидят на террасе загородного дома несколько пожилых людей, старые знакомые. Это люди искусства, и хотя жизнь сложилась по-разному, все они как-то вышли в люди. Женщина — старая актриса. Она хозяйка дома. Неторопливые разговоры, полувоспоминания, полурассказы. Слышны соловьиные трели, они все тише и тише... На рассвете хозяйку дома находят умершей в кресле».

В этом резюме своего романа поразительно не только предсказание собственной судьбы – это словно резюме тех пьес (или усадебных рассказов) Чехова, которые он мог бы написать, если бы писал много лет спустя. И где усадебная жизнь окончательно становится артефактом прошлого – не потому, что – как это было в России – усадьбу разорили или сожгли, а потому, что ее эпоха прошла. И только цепкая память, та, о которой писал и Арагон, способна еще удерживать воспоминания о ней.

Испанским ученым – д.ф.н., проф. древнегреческой филологии Гранадского университета **Хосе Луису Кальво Мартинесу** и д.ф.н., преподавателю кафедры греческой и славянской филологии университета Гранады **Н.Н. Арсентьевой** – в докладе «*Философия уединения (тема beatus*

ille) в «усадебной» поэзии Европы: Гораций, фрай Луис де Леон, И.А. Бунин и др.» удалось проследить единство и устойчивость «усадебного топоса» европейской литературы от Древнего Рима до России XX в. Традиционная для русской пейзажной лирики горацианская тема *Beatus ille* наиболее полно воплотилась в «усадебной» поэзии и прозе Ивана Бунина начала XX века, художественную основу которых составляет эстетическое и мистико-философское переживание красоты человеческих чувств, рожденных уединением. Особое значение в его творчестве, восходящем во многом к идиллиям Карамзина и Державина, романтике раннего Гоголя, имеет центральная для перипатетиков и эпикуреизма философская категория счастья (εὐδαιμονία), которая раскрывается постепенно во взаимодействии его автобиографического героя с миром усадьбы и находит свое выражение в переживании радости и полноты бытия. Уединенная жизнь в усадьбе формирует созерцательное отношение к миру и дарит целый спектр удовольствий – от чисто материальных до высокодуховных, пробуждает любовь к миру, внимание к деятельности души, художественный дар. Любое нарушение идиллии, разлад или смерть близких рождают инстинктивное стремление человека к восстановлению утраченной гармонии, к обретению утраченного счастья.

Особенностью бунинской герменевтики темы *Beatus ille*, в отличие от чисто эпикурейских мотивов, тем не менее является религиозно-мистическое восприятие природы, которое сближает его с творчеством испанского поэта-мистика эпохи Возрождения монаха-августинца фрай Луиса де Леона, сложившимся на основе переосмысления им Ветхого Завета, *Песни Песней* Соломона, и рассуждений основателя ордена блаженного Августина о красоте в природе. На основе сравнительного анализа известной оды Луиса де Леона «Уединенная жизнь» и других сочинений, докладчики показали ренессансный генезис бунинской мистики уединения. Благодаря традиционному ландшафтному дизайну русской дворянской усадьбы, в которой огромное значение имели дикорастущие и садовые растения, человек изображен у

Бунина в постоянном единстве с природой. Усадебный хронотоп создает у него такое же ощущение единства макро- и микрокосмоса, какое вызывает у Луиса де Леона панорама уединенной жизни в загородной монашеской обители. Обоим поэтам-мистикам дано ощутить сверхприродное начало, проявляющее себя в мире, как «бога, над ним царящего и его создавшего». Но главное – это присутствие в самой природе «той сокровенной души, которая «чудится человеческой душе в мире, окружающем ее». Поэтому, в отличие от ортодоксальной христианской теологии, поэты утверждают, что в уединенном созерцании божественной красоты мира человек становится восприимчивым к исходящей от нее благодати Святого Духа. Особое внимание в докладе уделено символике «рассвета» у обоих авторов, позволяющей предположить присутствие в их поэтической мысли мистерии солнечного света как инициастического религиозного культа, сложившегося вокруг почитания благих сил природы, выступающих в функции *эроса*, мыслимого в категориях неоплатонизма посредником между Богом и человеком.

Доклад директора музея-усадьбы Лопасня-Зачатьевское, филиала Государственного литературно-мемориального музея-заповедника А.П. Чехова «Мелихово», заслуженного работника культуры **Г.Н. Тимошковой** *«Васильчиковы, Ланские, Пушкины, Гончаровы в Лопасне: история семьи на фоне истории России»* был посвящен культурной истории уникального усадебного комплекса XVII – начала XIX века Лопасня-Зачатьевское, на территории которого жили и трудились представители нескольких дворянских родов России. История этой усадьбы уходит своими корнями в XVII век и заканчивается в революционные годы XX века. На семьях четырех дворянских родов: Васильчиковых, Ланских, Пушкиных и Гончаровых, связанных родством, в полной мере отразилась трехвековая история России во время правления пяти императоров. Обитатели усадьбы принимали непосредственное участие в Отечественной войне 1812 года, крестьянской реформе 1861 года, Русско-турецкой войне 1877–1878 годов, Первой мировой войне 1914–1918 годов.

Особенное место в истории усадьбы занимали потомки А.С. Пушкина. Здесь подолгу жили старшие дети поэта и воспитывались его внуки. Довольно долгое время в усадьбе хранились библиотека и архив поэта, который получил в наследство старший сын А.А. Пушкин.

Лопасненский дом всегда хранил крепкие семейные устои и ценности. Все четыре семейства связывала взаимовыручка, крепкая дружба, любовь к Отечеству и уважение к предкам.

Второе пленарное заседание «**В усадебной парадигме А.П. Чехова**» 26 сентября 2020 г. открылось докладом зам. директора по научной работе Государственного литературно-мемориального музея-усадьбы А.П. Чехова «Мелихово», к.ф.н. **А.А. Журавлевой** «**Трансформация “усадебного хронотопа” в творчестве А.П. Чехова**». В поиске своеобразия чеховского хронотопа докладчица обратилась к книге И.Н. Сухих «Проблемы поэтики А.П. Чехова» (1987), в которой он высказал ряд положений, касающихся общих закономерностей «освоения реального исторического хронотопа» в русской литературе XIX века. «Дворянская усадьба», «провинциальный городок», «купеческий дом» – наиболее привычные места действия не только русского романа, но повестей, рассказов и пьес. При этом хронотопы произведений Пушкина, Гоголя, Тургенева, Островского, Достоевского, Толстого и др. имеют общие черты, позволяющие говорить о существовании метахронотопа, который исследователь обозначает как «эпический», «патриархальный», или «деревенский». Основные свойства этого хронотопа – замкнутость и однородность. Мир дворянской усадьбы, как и мир провинциального городка, – это замкнутый «свой» мир, где «все знают всех, общаются со всеми», мир, в котором случайные встречи отнюдь не случайны, мир, в котором взаимопонимание принципиально возможно даже между социальными полюсами, мир, который еще обладает эпической патриархальной целостностью. Напротив, характерными чертами чеховского доминантного хронотопа – хронотопа «большого города» – становятся «разомкнутость,

неограниченность мира вместо его замкнутости и структурности, психологическая неоднородность вместо прежней однородности и контакта полюсов».

С точки зрения докладчика, одним из устойчивых способов художественного воплощения названных свойств провинциального, «деревенского» хронотопа в чеховской поэтике становится переосмысление писателем такого традиционного приема, как введение в структуру повествования воспоминаний героев. При этом принципиальной характеристикой воспоминаний оказывается их общность. На примере разных в жанровом отношении произведений Чехова (повестей, рассказов, пьес) в докладе прослеживается ситуация, когда возникающая или не возникающая общность воспоминаний героев становится маркером изменения структуры мира.

В докладе д.ф.н, проф. РГГУ **Ю.В. Доманского** *«Усадьба vs сцена: К вопросу о художественном и сценическом пространстве “Вишневого сада”»* были рассмотрены те аспекты драматургического пространства последней пьесы Чехова, которые связаны с усадебным локусом, и их реализация средствами драматургии; в частности – были приведены размышления над тем, почему один и тот же локус в паратексте назван и именем Раневской, и усадьбой Гаева; и в этой связи обращено внимание на то, что начальное авторское указание о месте действия отнюдь не тотально соответствует истине. Отдельно рассмотрены те случаи, когда в паратексте усадебное пространство эксплицируется как театральная сцена.

Орнелла Дискаччати, проф. русского языка и литературы (Ун-т Бергамо, Италия), известный переводчик, в докладе *«Особенности провинциального текста в литературных произведениях Чехова и Бунина»* отметила тот факт, что о взаимоотношениях Чехова и Бунина уже много написано, писатели дружили и уважали друг друга, оба высоко ценили Льва Толстого, которого считали образцом для подражания. Толстой оказал большое

влияние и на Чехова, и на Бунина. Усадьба — место, где оба писателя прожили долгие годы, место, которое хорошо знали, но не идеализировали.

Но все-таки в литературных мирах этих двух писателей усадьба отражает разные аспекты русской провинции. В литературных усадьбах чеховских произведений провинциальный локус, несомненно, является миром прошлого. Автор изучает все типичные черты провинциальной отсталости, не упуская из виду ни одного проявления провинциальной пошлости, жадности, даже дикости. В то же самое время, представляя мир провинциальной усадьбы, Чехов выражает свою точку зрения по отношению к центру, к двум столицам, не прямолинейно, а высказывает позицию более амбивалентную, в которой нюансы и противоречия вызывают у читателя сомнения и вопросы.

Иван Бунин прожил все детство и юность в семейной усадьбе, и когда он эмигрировал во Францию, усадьба стала в представлении писателя местом души, символом России не только для него самого, но и для всех русских людей, обреченных жить в изгнании. Но уже в первых своих значительных произведениях «Деревня» и «Суходол», написанных еще в России, Бунин обращается к анализу провинциальной реальности и высказывает оригинальные суждения о жизни русской провинции. И Чехов, и Бунин глубоко чувствовали и понимали сложность провинциального мира, поэтому при анализе произведений обоих писателей, посвященных этой теме, нужно принимать во внимание все аспекты. Цель доклада — выявить особенности провинциального текста в произведениях Чехова и Бунина, написанных в конце XIX — начале XX века.

В докладе д.ф.н., доц. Оренбургского гос. ун-та **Т.М. Жапловой** *«Предметная детализация как средство поэтизации усадебного быта в лирике И.А. Бунина 1890–1900-х гг.»* рассматривались примеры аксессуарных деталей помещичьего быта, востребованных в поэтике стихотворений И.А. Бунина, включенных им в первые сборники и способствующих воссозданию образа русской усадьбы в ее поэтических и прозаических чертах.

Выявляя частные, единичные усадебные приметы, автор акцентирует внимание на частотности обращения Бунина к более сложным композиционным элементам поэтики – так называемым деталям-перечням, или перечням аксессуарных деталей, обнаруживающих реальную основу образа «дворянского гнезда» и специфику его трансформации в лирике рубежа XIX – начала XX века. Привлекая материал мемуаров и различного рода «записок» Бунина и его современников – А.П. Чехова и А.М. Горького, автор прослеживает способы возникновения реалистических деталей в лирике поэта, тяготеющего к ретроспективному отражению усадебной мифологемы, частично утраченной, как атрибут патриархально-аграрного уклада, но сохраняющей в сознании лирического героя облик родного «Дома», «малой родины».

Магистр филологии, м.н.с. Крымского литературно-художественного мемориального музея-заповедника (отдел «Дача А.П. Чехова и О.Л. Книппер в Гурзуфе») **Е.Е. Рачкова** в докладе *«Поэтика гурзуфского пространства в письмах О.Л. Книппер и М.П. Чеховой»* исследовала особенности образа пространства гурзуфской дачи А.П. Чехова, которая получает художественно-документальное воплощение в переписке О.Л. Книппер и М.П. Чеховой. На пересечении биографического и идиллического типов времени, представленных в письмах корреспондентов, посредством особой организации жизненного материала пространство и его доминанты (сад, дом, окружающая природа) переживаются участниками переписки как эстетическое событие, которое способно трансформировать и определять текущую реальность. Особое место в исследовании отводится мотивам писем (труд, отдых, память, созерцание) и эпистолярным ролям нарраторов, которые восходят к евангельским образам Марфы и Марии, что также отражено в принципах отношения к гурзуфской даче, повседневности и способах описания. В финальной части доклада представлено, каким образом субъективные переживания О.Л. Книппер и М.П. Чеховой гурзуфского места и времени могут

получить соответствующее продолжение в рамках музейного повествования и с учетом отклика посетителя.

Итальянская исследовательница, сотрудник кафедры русского языка и перевода университета «Рим Три» (Италия), PhD **М.О. Белинская** в докладе *«Впечатление угрюмой пустоты и холода»: о семантике пространства усадебного дома в произведениях А.П. Чехова»* на материале художественной прозы А.П. Чехова выявила специфику авторского изображения внутреннего пространства господского дома как одного из главных элементов «усадебного топоса». В докладе анализируются наиболее часто повторяющиеся образы и мотивы, связанные с чувственным восприятием усадебных интерьеров (визуальным, акустическим, ольфакторным), делается попытка интерпретации символического содержания отдельных характеристических деталей, которые встречаются как в ранних, так и в поздних чеховских рассказах с усадебной тематикой.

Последний пленарный доклад *«Мотив чуждого внешнего мира за пределами усадьбы как фон темы распада семьи у А.П. Чехова и К. Мэнсфилд»*, прочитанный преподавателем Французского университетского коллежа МГУ им. М.В. Ломоносова, к.ф.н. **М.В. Черкашиной**, обратил внимание участников конференции на сходство сюжетостроения коротких рассказов Кэтрин Мэнсфилд с прозой А.П. Чехова, которое не раз отмечалось как российскими, так и зарубежными исследователями. В то же время «реализм», или «натурализм», Чехова принято противопоставлять тяготению Мэнсфилд к импрессионизму, символизму и даже заимствованию приемов поэзии. Рассказ Мэнсфилд «Пикник» (1921) о столкновении обитателей усадьбы с трагедией, произошедшей в ее окрестностях, когда погибает рабочий, такой же, как один из тех, кто помогает в подготовке их семейного праздника, коррелирует с темой столкновения обитателей чеховских усадеб с укладом «мужицкой» жизни в повести Чехова «Моя жизнь» (1896) и рассказе «Новая дача» (1899). У обоих авторов различие в отношении разных членов семьи к «чужакам» из окружающего мира раскалывает семьи, грозя расколом мира:

отдаляя мужей от жен, обостряя проблему «отцов и детей». На примере анализа сходных мотивов были показаны степень различия художественных приемов у обоих авторов и специфика рецепции Чехова у Мэнсфилд.

Секционные заседания конференции проходили в помещениях ИМЛИ РАН во второй половине дня 25 сентября. Первое из них – **«Усадебно-дачные сюжеты и образы в русской культуре XX–XXI вв.»**. Доклад проф. Псковского гос. ун-та, д.ф.н. **А.Г. Разумовской** **«“По случаю коммунистического строя сделался я помещиком”: усадьба Холомки и ее обитатели в 1921 году»** был посвящен истории усадьбы князей Гагариных Холомки в Псковской губернии в послереволюционные годы, когда она стала колонией петроградских художников и литераторов. Докладчица в характерных подробностях воссоздала ее литературный и живописный образ, оставленный в русской культуре.

Доклад д.ф.н. **Н.В. Ковтун**, проф. КГПУ им. В.П. Астафьева (Красноярск) **«Гетеротопия усадьбы в романе Ф. Гладкова “Цемент”»** был посвящен малоисследованным вопросам функционирования «усадебного топоса» в литературе социалистического реализма, в частности проблеме «других мест» в ранней советской литературе. В ряду гетеротопий рассматривается и образ усадьбы в романе Ф. Гладкова «Цемент», тексте, давшем основание производственной прозе в целом. Представлены избранные модели гетеротопии: монастырь, дом/домовина, дворянская усадьба. Особое внимание уделено изучению функций, статуса человека в пределах гетеротопии. Доказывается, что «другие места» реализуют желание автора утвердить новый миропорядок, который буквально накладывается на топосы культуры, ставшие знаковыми в классической русской литературе, и опротестовывает их. Стремление раздвинуть рамки настоящего в пределы «светлого будущего» спасает от экзистенциального ужаса перед реальностью, заполненной смертью, «слезами детей».

В докладе показано, как в культуре 1920-х годов начинается вытеснение, инфернализация топосов дворянской усадьбы, дворика, крестьянского огорода под натиском «голубых городов».

В докладе д.ф.н., проф. РГУ им. А.Н. Косыгина, в.н.с. ИМЛИ РАН **М.В. Строганова** *«Дворянская усадьба в воспоминаниях ее питомцев XX века»* на материале воспоминаний А.Н. Понафидиной, О.Н. Вульф, А.Н. Болт и В.Д. Бубновой об усадьбе Вульфов Берново в Тверской губернии проводится анализ утраченных усадебных практик. Люди, воспитанные в русской дворянской усадьбе, сформировавшейся в XVIII–XIX веках и вынужденные силой обстоятельств жить в условиях советской России XX века, поневоле вспоминали старую усадьбу идиллически и меланхолично. В мемуарах господствовала идеализация прошлого как минимум за счет воспоминаний о тех «великих» лицах, которые бывали здесь и отблеск которых лежит на самих авторах мемуаров. В виде исключения некоторые мемуаристы делали акцент на природно-ландшафтных красотах усадебного мира. Важно понять, чем были обусловлены эти исключения.

В своем докладе *«Альфа и омега: усадебный храм и усадебный некрополь в жизни и литературе»* научный сотрудник Государственного литературно-мемориального музея-заповедника А.П. Чехова «Мелихово» **А.Б. Савинов** рассмотрел систему «идеального мира» русской дворянской усадьбы, создаваемого владельцами, в котором семейный и родственник некрополь занимал очень важное место. Золотой век русской дворянской усадьбы продлился ровно 100 лет от «Манифеста о вольности дворянства» императора Петра Федоровича 1762 года и до великой реформы императора Александра Николаевича середины XIX века. Семейные храмы в усадьбах стали местом венчания супругов, крещения младенцев дворянских семей и прощания по христианскому чину с усопшими. Таким образом, храм и некрополь внутри и вокруг него становились своеобразным духовным и мемориальным центром усадьбы.

Сохранявшиеся к началу XX века некрополи стали предметом серьезного изучения, свидетельством чему стали многотомные «Некрополи» под редакцией великого князя Николая Михайловича. Но к исходу 1920-х годов некрополи в России, как в городах, так и в бывших усадьбах, стали жертвой разграбления и уничтожения. Это было продолжением процесса гибели всей культуры русского дворянства. Однако, наряду с архивными документами, именно «Некрополи» стали ценнейшими источниками информации по истории дворянско-усадебной России.

Занимающимся изучением русской усадебной культуры сотрудникам музеев ежедневно приходится сталкиваться с необходимостью обращаться как к уже изданным «Некрополям»-текстам, так и к сохранившимся артефактам – материальным памятникам дворянских некрополей. Результатом наших исследований являются ценные наблюдения, которые возможно сделать только при сопоставлении печатных источников с натурными наблюдениями. В частности, проведены исследование и систематизация полученных данных по захоронениям семейств Васильчиковых в их подмосковной усадьбе Лопасня-Зачатьевское. Хронология сюжетов охватывает период в середины XVII века до начала 1910-х годов.

Проф. МПГУ, доктор культурологии **А.В. Святославский** в совместном докладе со студенткой 5 курса Института филологии МПГУ **А.А. Чернявской** *«От Хрущево до Дунино. Усадьба как фактор творческого вдохновения Михаила Пришвина»* показал, как через творчество М.М. Пришвина проходит ностальгия по детским годам в елецкой родительской усадьбе Хрущево, окончательно утраченной в годы революции, когда вернувшийся в усадьбу писатель был изгнан оттуда крестьянами. В преклонные годы, попробовав дачной жизни под Можайском и Пушкином, Пришвин принимает решение о приобретении старой (конца XIX века) усадьбы Дунино под Звенигородом, которая неожиданно напомнила ему Хрущево. Обживая новое место, писатель приходит к выводу, что оно идеально устроено для специфики его творчества: красивый необычной архитектуры дом на косогоре, сад, напоминающая

Хрущево липовая аллея, лес за оградой и живописный спуск к Москве-реке делают Дунино источником новой волны творческого вдохновения, охватившей Пришвина в последние 8 лет его жизни.

В докладе к.ф.н. **Е.Ю. Кнорре**, преподавателя ПСТГУ, *«Китеж советского времени: “усадебный миф” в дневниках М.М. Пришвина 1937–1954 гг.»* была рассмотрена семантическая структура «усадебного мифа» в дневниках М.М. Пришвина обозначенного периода. В творчестве писателя образы сада, усадьбы, дачи связаны с образами космического хозяйствования человека. В ряде дневниковых записей прочитываются аллюзии к идее А.П. Чехова «вся Россия – наш сад», Пришвин переосмысляет эту идею в контексте проблематики «социализма» в философии христианского персонализма (А. Ухтомский, А. Мейер и др.). В дневниках 1937 года появляется образ небесной коммуны, источниками которого становятся идея Небесного града Китежа в культуре Серебряного века. На материале пришвинских дневников 1930–1950-х годов в докладе делается вывод о том, что «усадебный миф» этого писателя в указанный период включает в себя аллюзии к религиозно-философской идее «всеединства» («богочеловечества») Вл. Соловьева, составляющей ключевую интуицию творчества Пришвина в советский период. Миф о коммуне включает у Пришвина сюжет пути к утраченному дому, прототипом которого становится усадьба Хрущево и ее преобразенный образ в дачном имении в деревне Дунино, обретенном Пришвиным в 1940 году. Дунино и ассоциированный с образом дачного существования сюжет «собираения времени» становятся основой «усадебного мифа» Пришвина в советский период, где топос усадьбы/дачи включается в философские размышлений автора о связи микрокосма и макрокосма, частного бытия человека и его «родственной связи» со всем миром живых существ.

В докладе проф. УрГУ им. А.М. Горького (Екатеринбург), д.ф.н. **Н.В. Пращерук** *«Усадьба Н.Е. Жуковского Орехово: “кормящий ландшафт” и музейная реальность (на материале книги Е.Р. Домбровской “Воздыхания окованных. Русская сага”)*» речь шла об образе усадьбы Орехово в книге

«Воздыхания окованных. Русская сага», автором которой является Е.Р. Домбровская – правнучка гениального ученого, «отца русской авиации». Эта усадьба была приобретена родителями Н.Е. Жуковского и долгое время оставалась родовым гнездом известной в России семьи. Образ усадьбы выстраивается с опорой на «усадебный текст» русской литературы, на концепцию «кормящих ландшафтов» Л.Н. Гумилева, а также на идеи П.А. Флоренского о духовных основаниях судеб рода. Орехово, преобразованное памятью автора, дается в соотношении с реальностью ныне действующего музейного комплекса.

В докладе **«“Вот классицизм усадьбы на холме...”: “усадебный текст” в молодой русской поэзии начала XXI в.»** проф. РГГУ, д.ф.н. **А.В. Марков** (Москва) рассказал о том, что современные русские поэты новых поколений воспринимают усадьбу обычно не только через опыт русской классической литературы и устные предания, но и через многообразный визуальный материал: кинематограф, графический роман, интеллектуальные игры и квесты, путешествия по разным странам. В центре внимания докладчика – поэзия молодых авторов Аллы Горбуновой и Василия Бородина. У Горбуновой усадьба часто наделяется готическими признаками, при этом ее взгляд на усадьбу реалистичен и аналитичен. Для нее усадебность – это всегда необходимая часть и взросления, и открытия исторического развития искусства и культуры, усадебность противопоставляется узко и плоско понятой современности. Для Бородина усадьба – область семейной тайны, страшного и «жуткого» по Фрейду, при этом одновременно место избыточности и художественной сублимации. Если у Горбуновой стирается грань между усадьбой и повседневностью с ее абсурдом и энергией молодости, то для Бородина – между усадьбой и декоративно-прикладным искусством. Для обоих поэтов усадьба – это прежде всего туристический объект, причем и для внутреннего туризма: она может быть рядом с домом или работой. В таком изображении усадебность открывается как способ перейти от повседневных или туристически-экзотических впечатлений к более сложным лирическим

размышлениям о судьбах культуры и исторической изменчивости эмоций, которая оказывается движущей силой лирического высказывания.

Вторая секция **«Русская усадьба в поэзии и прозе конца XIX – начала XX в.»** открылась докладом д.ф.н. **В.Г. Андреевой**, проф. Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова, в.н.с. ИМЛИ РАН, **«Помещики и землевладельцы в романе Л.Н. Толстого “Анна Каренина”»**. Здесь рассматривалась многозначность «усадебного топоса» в указанном романе. Широко представленная усадебная тема помогает писателю организовать многочисленные соотношения и противопоставления героев, не только главных, но и второстепенных, открывает взгляд Толстого на пореформенную Россию, на наиболее приемлемый для страны путь дальнейшего развития. Писателю был близок образ рачительного хозяина-помещика, в романе он проверяется на жизнеспособность, автор представляет одну из ключевых антитез произведения между помещиками (настоящими хозяевами-тружениками) и землевладельцами (относящимися к земле как товару и источнику прибыли), поддерживаемую мотивом праведного труда. Отдельного внимания заслуживают два примера русских усадеб – имение Левина (Покровское) и имение Вронского (Воздвиженское). Как и в других произведениях Толстого, образ семьи и дома, образ собственного хозяйства выводит героев к прозрениям (пусть и разного уровня), к осознанию глубинных законов жизни. В художественном мире романа образ русской усадьбы косвенно соотносится с образами европейских поместий (особенно английских имений).

Аспирант ИМЛИ РАН **Л.К. Ражина** в докладе **«Усадебное хозяйство в произведениях Н.Г. Гарина-Михайловского и Л.Н. Толстого 1890-х гг.»** представила малоизвестную в литературе грань усадебной жизни: ею рассмотрены и сопоставлены отражения практики ведения усадебного хозяйства в романе Л.Н. Толстого «Воскресение» и очерке Н.Г. Гарина-Михайловского «Несколько лет в деревне». По мысли докладчицы, многие

произведения «усадебной» прозы конца XIX века содержат отражение социально-экономических реалий того времени, основанное на опыте писателей по ведению усадебного хозяйства. Знакомство с вопросами организации доходного сельского хозяйства и погружение в народную жизнь формировали писательское мировоззрение, давали фактический материал для создания литературных творений. Так, в романе Л.Н. Толстого «Воскресение» (1898–1899) изображена попытка помещика передать землю в управление крестьянам в соответствии с проектом по созданию фермерских хозяйств в Ясной Поляне, который был разработан писателем в 1856 году. В автобиографическом очерке «Несколько лет в деревне» (1892) Н.Г. Гарин-Михайловский описывает неудачный опыт реорганизации имения Князевка по образцу немцев-колонистов, занимавшихся сельским хозяйством с большой прибылью неподалеку от усадьбы писателя. Тесное общение с крестьянами позволило авторам изобразить социально-экономические особенности отношений между помещиком и сельским населением, создать образ русского крестьянства и описать его быт.

В докладе д.ф.н., в.н.с. ИМЛИ РАН, проф. **Е.А. Андрущенко «Формы поэтизации “усадебной культуры” в “Воспоминаниях” Б.Н. Чичерина»** было привлечено внимание к давней публикации журнала «Русский архив» (1890), в которой представлен фрагмент воспоминаний выдающегося русского юриста, публициста, историка, философа, общественного деятеля, московского городского головы, активного участника земского движения, основателя и теоретика русского либерализма Б.Н. Чичерина (1828–1904). Публикуя мемуарный очерк о Н.И. Кривцове, автор мыслил его предисловием к готовящемуся к печати дневнику этого молодого русского офицера. Однако на деле воспоминания Б.Н. Чичерина (опуб. в 1929 г.), в которых возникают образы Баратынских, Карамзиных, Блудовых, С.Н. Тургенева и др., становятся поэтическим прославлением русской «усадебной культуры». В докладе осмыслены формы такой поэтизации: описание героически-подвижнического и высокодуховного опыта предшествующих поколений, его противопоставление

унылой и бесплодной современности, изображение усадебного быта в его проекции на бытийное, историко-литературные наблюдения и выводы о развитии русской литературы.

В докладе с.н.с. ИМЛИ РАН, к.ф.н. **А.С. Акимовой** *«Поэтика усадьбы в малоизвестных рассказах А.Н. Толстого 1910-х гг.»* рассматривались ранние рассказы А.Н. Толстого, которые впервые были опубликованы в периодической печати, включены в тома «Сочинений» в 10 т. (М.: Кн-во писателей в Москве, 1912–1918), но впоследствии в новые собрания сочинений автором не включались. К анализу усадебной проблематики были привлечены малоизученные тексты писателя. В исследовании, основанном на биографическом, текстологическом и социокультурном подходах к изучению усадебной прозы Толстого, были описаны приемы создания образа усадьбы в рассказах первой половины 1910-х годов. Включенные в третий том «Сочинений» Толстого (1914), они были распределены по трем разделам, озаглавленным «По пути», «Призраки» и «Минувшее». Изучение приемов создания художественного образа усадьбы, его трансформации и семантических связей в контексте тома приводит к выводу о том, что усадьба становится не только местом действия и разворачивания событий, но композиционным и семантическим центром, определяющим расстановку действующих лиц, художественные приемы и интертекстуальные связи произведений. При создании образа усадьбы писатель опирался на собственные воспоминания и дневниковые записи, а также на традицию изображения усадьбы в русской классической литературе.

Д.ф.н., ученый секретарь ИМЛИ РАН **Ю.В. Шевчук** в докладе *«Сады в “Трилистниках” И.Ф. Анненского (к вопросу о “вещественном” и символическом значении образа)»* представила слушателям оригинальный антропологический анализ усадебных садов в лирике И.Ф. Анненского. По мысли докладчицы, вещи в поэзии И.Ф. Анненского связаны с нематериальными категориями бытия и сферой сознания. В первых «Трилистниках» субъект по своему внутреннему ощущению жизни занимает

амбивалентную позицию притяжения и отталкивания по отношению к пространству сада (цветы, птицы, земля). В описании важны интенсивность цвета и запаха, а также принцип контраста, оксюморон. Сад отсылает к библейской мифологии («Трилистник соблазна»). Природа обновляется, а человек не может избавиться от бремени «злого» прошлого и мысли о неизбежности смерти («Трилистник сентиментальный»). Наблюдая явление светотени в саду, лирическое «я» задумывается о существовании мира одновременно вне и внутри человека («Трилистник лунный»). Сад в «Трилистнике обреченности», посвященном восприятию времени, – замкнутое пространство, «дверь туда забита». Сады постепенно тускнеют, становятся более плоскими, пустыми и перемещаются внутрь сознания лирического субъекта (сон, бред, вымысел). Цветы на оконном витраже, мертвый сад и небо воспринимаются как твердые, застывшие поверхности («Трилистник призрачный»). Образ сада обретает фантастические черты: старая усадьба помещена в пространство волшебной сказки («Трилистник из старой тетради»), тени в саду оборачиваются призраками прошлого, уплотняются («Трилистник весенний»). Последний в цикле – «Трилистник одиночества» – посвящен проблеме отчуждения современного человека от природного мира и людей. Яркий образ сада (сирени, солнце, пчелы) «внезаходим» по отношению к личному пространству «я», живущему «во сне... между звездами». Цветочный образ-символ (соцветие роз) насыщен «невещественными» смыслами – невыразимый идеал, символ творчества, сопряжения культур Запада и Востока, трагической невозможности единодушия и единомыслия с Другим («Дальние руки»). Освоение садового пространства способствует пониманию индивидуальной символики поэта и принципов организации смыслового единства «Трилистников».

В докладе с.н.с. ИМЛИ РАН, к.ф.н. **Е.В. Глуховой** «*Усадьба Серебряного века в мифопоэтике русского символизма (Шахматово, Дедово, Серебряный Колодезь)*» обсуждались инструменты анализа мифологизации усадебных нарративов в творчестве представителей «младшего» символизма: А. Блока, А.

Белого, С. Соловьева. Философско-эстетические основы их поэзии сложились в процессе переживания и осмысления «усадебного топоса» в подмосковных имениях Шахматово и Дедово, а также в тульской усадьбе Серебряный Колодезь.

В докладе также шла речь об истории дружеских взаимоотношений А.А. Блока, Андрея Белого и С. Соловьева, детали которых уточнены обращением к мемуарному наследию писателей и к неопубликованным эго-документам. В них – неизвестные стихи С. Соловьева, посвященные повседневной жизни в усадьбе.

Особое внимание в докладе было уделено усадьбе Дедово-Талызино, которая к рубежу XIX–XX вв. принадлежала А.Г. Коваленской (бабушке поэта С. Соловьева и двоюродной бабушке Блока). Родители С. Соловьева владели отдельным флигелем с большой библиотекой, о которой впоследствии вспоминал А. Белый. Усадьба сгорела в 1917–1918 гг., сейчас от неё сохранился лишь барский пруд.

А. Белый называл Дедово своей «литературной родиной» – ведь именно здесь был придуман его литературный псевдоним, были начаты, или дописывались, многие произведения. Дедово и окрестности стали прототипом усадьбы Гуголево в романе «Серебряный голубь», а в образе Петра Дарьяльского отразились черты С. Соловьева.

Своеобразие «усадебного текста» Белого, с одной стороны, в нахождении оригинального неомифологического модуса изображения этих усадеб, с другой — в придании им гетеротопического качества. Прослежены изменения в тональности воспоминаний Белого об А.А. Блоке в Шахматове начиная с первой редакции в «Записках мечтателей» (1922) до последней части мемуарной трилогии «Начало века» (1932).

Юношеские письма Соловьева к Белому и Блоку доказывают, что истоком особого «эзотерического жаргона» символистского братства является именно дедовский опыт. В августе 1901 г., в годовщину смерти своего дяди, поэта и философа В.С. Соловьева, С. Соловьев устраивает поминальные чтения в

усадьбе. Таким образом, усадьба Дедово по праву принадлежит к числу важнейших локусов русского символизма, является одним из истоков его мифопоэтики.

Преподаватель гимназии **Н.И. Пегова**, магистрант РГГУ (Москва) в выступлении *«Усадебная беллетристика на страницах журнала “Русская мысль” 1900–1917 гг.»* представила результаты впервые проведенного тотального тематического просмотра номеров указанного журнала в «усадебном» аспекте. Ею сделан аналитический обзор «усадебного топоса» на страницах уникального литературно-политического журнала «Русская мысль», издававшегося на территории России с 1880 по 1918 г. С журналом активно сотрудничал А.П. Чехов, так что важно и интересно отметить «жизнь» чеховских усадебных тем в журнальных публикациях начала XX века.

В докладе к.ф.н., с.н.с. ИМЛИ РАН **Н.В. Михаленко** *«Утопические усадебные проекты в творчестве А.В. Чаянова: реальное и литературное»* были освещены и проанализированы утопические проекты конца XIX – начала XX века, связанные с усадьбами Архангельское и Петровско-Разумовское, отразившиеся в периодической печати и текстах А.В. Чаянова. В «Путешествии моего брата в страну крестьянской утопии» был создан образ светского монастыря – братство Флора и Лавра, в котором на территории бывшей усадьбы Архангельское во многом по образу и подобию Московского сельскохозяйственного института была организована университетская община. Чаянов, восхищавшийся, подобно А.С. Пушкину, книжной и живописной коллекцией дворца Юсуповых, считал, что достойное образование молодежь может получить только в непосредственном соприкосновении с культурным наследием предшествующих эпох. Идеи Чаянова часто были полемичны тем утопическим проектам, которые публиковались в современной ему периодике после того, как многие усадьбы были реквизированы.

В третьей секции **«Усадьбы в пространствах Европы»** (в том числе в творчестве русских эмигрантов) выступили шесть докладчиков. **В.Э.**

Молодяков, проф. ун-та Такусёку (Токио, Япония), д.полит.н. (LL.D., Ph.D.), представил доклад *«Отчий дом и наследственный рай: усадьба Le chemin de Paradis в жизни и творчестве Шарля Морраса»*. Родительская усадьба (дом с прилегающим садом) в провансальском городке Мартиг, получившая название «Le chemin de Paradis» («Райская дорога»), заняла особое место в жизни и творчестве выдающегося французского писателя и публициста Шарля Морраса (1868–1952) как главный позитивный символ не только родовой памяти семьи Моррасов (в остальном ничем особо не примечательной), но и культурной преемственности от эллинистических колоний античности до современной Франции. Отчий дом, заботливо сохраненный Моррасом (а после его смерти наследниками), стал для писателя, проводившего большую часть жизни в Париже, воплощением личного рая, полученного по наследству, а также квинтэссенцией духа и традиций родного Прованса, который он как регионалист не противопоставлял Франции, но и не «растворял» в ней. Выступление было иллюстрировано редкими материалами из собрания докладчика – изображениями дома, фотографиями Морраса на его фоне, книгами и автографами писателя.

Работа секции продолжилась докладом к.ф.н., н.с. ИМЛИ РАН **Г.А. Велигорского** *«Усадьба как место заточения в детской литературе Англии и России рубежа XIX–XX вв.»*, в котором речь шла об изображении усадьбы в детской литературе. Будучи идеальным местом игр и миром, где «гуляет воображение», усадьба здесь может являть и «темную» сторону – оказываться родом замка Синей Бороды или Кощеевым царством. Ребенок, наказанный за провинность и запертый у себя в комнате или же отправленный в усадьбу к дальним родственникам, ощущает ее пространство как тюрьму, а себя – узником; в его воображении, стимулируемом прочитанной литературой – прежде всего романами из «круга детского чтения», такими как «Граф Монте-Кристо» А. Дюма-старшего, – дом предстает темницей, владельцы – надсмотрщиками, а окрестная территория – тюремным двором или же пространством, где царит фантазия («Полуночный садик Тома» Ш. Пирс,

«Золотая пора» К. Грэма). Нередко описание дополняется автобиографическими мотивами («Джен с ветряной мельницы» Дж.Х. Юинг, «Детство» Л.Н. Толстого, воспоминания Б. Поттер, А.К. Герцык и др.). Возникает мотив «побега из усадьбы», реализуемый как инвариант детской игры («Памятная мельница» Р.Л. Стивенсона) или же всерьез, оборачивающийся для героя последствиями («Ветер в ивах» К. Грэма). Наконец, зачастую такой побег становится для героя испытанием (ср. мотив бегства/изгнания из рая), искупительным странствием, – которое, реализуя притчу о блудном сыне, почти всегда завершается возвращением в усадьбу, в шутивно-игровой или трагической форме. Уход из усадьбы нередко обозначает конец детства и сближается с романом воспитания (ср. с концепцией П. Ханта о трех типах детской литературы, где уход от цикличности и «вечного возвращения» означает переход во взрослую жизнь).

О.А. Гриневич, аспирант ГрГУ им. Янки Купалы, магистр филологии (Гродно, Беларусь), в докладе *«Соотношение факта и вымысла в усадебной поэзии и прозе В.В. Набокова»* отметила, что семантическим ядром поэтических и прозаических воплощений усадебного текста в творчестве В. В. Набокова является автобиографический миф об утраченном рае детства. В художественной прозе отражаются детские и юношеские воспоминания автора, «переданные» вымышленным героям. Одна из черт усадебного хронотопа в «Даре» – размывание границ (пространственно-временных, нарративных, межсемиотических). Художественно-документальная проза является контекстом для «постперцепции» художественной: «Другие берега» содержат метакомментарий о том, какие черты детства автора принадлежат героям романов, а также подробные планы имений Выра, Батово, Рождествено, сведения об их владельцах.

В поэтической практике Набоков наследует традиции Фета, в творчестве которого отразилась тенденция к деконтекстуализации усадебной поэзии (устранение из стихотворений биографических, исторических, культурных контекстов функционирования топоса). Пространство усадьбы в поэзии и прозе

выстроено с помощью сенсорной конкретизации, репрезентирующей пространство не исторической и культурной, а личной памяти.

В докладе с.н.с. ИМЛИ РАН, к.ф.н. **М.В. Скороходова** *«Литературная усадьба в творческом наследии Б.К. Зайцева периода эмиграции»* основное внимание было уделено рассмотрению автобиографической тетралогии Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба», которая создавалась на протяжении полутора десятилетий (1937–1952). В текстах писателя усадьба становится пространством, в котором развивается действие; важны такие элементы усадебного мира, как помещичий дом с балконами, цветущий сад, хозяйственные постройки, калитка, отделяющая усадьбу от окружающего ландшафта и крестьянских наделов. С усадьбой соприкасаются лесные участки и пруды, которые также играют значительную роль в повествовании. Усадьба связана с романтическими мечтаниями героев, с чтением произведений И.С. Тургенева, А.П. Чехова, других авторов, для которых актуален «усадебный топос». Желание иметь усадьбу или дачу (второй вариант становится более распространенным с конца XIX века) – проявление «дворянской привычки к земле, имениям, хозяйству» («Юность»). Многие важные элементы усадебной культуры и быта (музицирование, пение, совместные обеды и ужины, радушный прием гостей, охота, ведение хозяйства, участие в сельскохозяйственных работах) воспроизводятся дворянами даже при отсутствии собственной усадьбы (ее замещает дом или часть дома с прилегающим участком, предоставляемые на время работы директору завода).

Внимание Зайцева к традициям «усадебной культуры», воплощенным в произведениях русской классики, также демонстрируют его книги «Жизнь Тургенева» (1932) и «Чехов» (1954).

Д.ф.н. **М.В. Михайлова**, проф. МГУ, в совместном докладе с к.ф.н. **А.В. Назаровой** *«“Мятежные усадьбы” Е.Н. Чирикова»* проанализировала изображение усадьбы в творчестве Е.Н. Чирикова до революции и в эмиграции. Было отмечено, что «усадебный топос» занимает важное место в его творчестве. Но в отличие от предшествующей литературной традиции, в

которой усадьба ассоциировалась с местом, дарящим человеку душевный покой, умиротворение, элегический настрой и поэтическое вдохновение, в пьесах писателя «Мужики» (1905) и «Дом Кочергиных» (1910), повести «Мятежники» (1906), романах «Жизнь Тарханова» (1911–1925), «Отчий дом» (1929–1931) и др. произведениях она играет принципиально иную роль. Усадьба в текстах Чирикова становится ареной общественной борьбы и прежде всего противостояния дворянской либерально-демократической интеллигенции и народных масс. Исследуя его причины, писатель демонстрирует, что все проекты представителей образованных слоев по улучшению материального благосостояния крестьян неизменно терпят неудачу, главная причина которой, по его мысли, кроется в ответе на вопрос о том, кому должна принадлежать земля. Поэтому сюжеты указанных чириковских произведений во многом оказываются схожи: владеющая землей дворянская интеллигенция, не желая отдать ее крестьянам безвозмездно, использует ее как приманку для борьбы с идейными противниками. Ослепленные же посулами мужики пытаются захватить усадьбу, но их бунт неизбежно оказывается жестоко подавлен, что усиливает вековую народную ненависть и подозрительность к «господам». Позднее в эмиграции Чириков пришел к выводу о том, что именно подобные игры на народных чаяниях и страхах и привели к революционному взрыву 1917 года, уничтожившему в конечном итоге все «дворянские гнезда».

Все доклады последней, четвертой, секции конференции **«Русская дача в реальности и словесности»** были посвящены соответствующей тематике. Проф. Варшавского ун-та (Польша), д.ф.н. **Л.Ф. Луцевич** в своем выступлении **«Дачно-усадебный топос “русской Финляндии”: “Пенаты” Ильи Репина»** отметила, что на рубеже XIX–XX вв. Финляндия становится популярным местом отдыха русской творческой интеллигенции. Возникает даже понятие «русская Финляндия», включающее в себя не только географическое, но и культурно-историческое пространство. В докладе на основе изучения документов личного происхождения (мемуаров, дневников, писем), отразивших

повседневный быт и духовно-культурное бытие русской творческой интеллигенции конца XIX – начала XX века, рассматриваются репинские «Пенаты» как аксиологически значимый компонент дачно-усадебного топоса русской Финляндии. В конце XIX века художник тайно приобрел в Куоккала «усадебку» и «уголок финского хладного берега» на имя Натальи Нордман (лит. псевдоним Северова); в течение нескольких лет перестраивал дом, разбивал парк – создавал «Villa Penates», учитывая собственные творческие интенции и литературные интересы возлюбленной. В архитектуре и декоре Репин соединял элементы древнерусского искусства и северного деревянного модерна с акцентуацией островерхих крыш, вписанных в природное окружение. Дом, парк, прилегающие территории составили ансамбль, где гости встречались со множеством «причуд и сюрпризов»: башенками, мостиками, лабиринтами, беседками; «Храмом Изиды», «Башней Шехерезады», «Озером свободы», «Скалой Прометея» и проч. (К. Чуковский). Жизнь усадьбы определялась особым ритуалом гостеприимства. Мемуаристы в оценках однозначны: «Пенаты» — любимое место отдыха друзей художника и русский интеллектуальный центр.

В докладе **Эмилио Мари**, ст. преподавателя по русской литературе и культуре, PhD, Dottore di Ricerca (Ун-т Витербо, Италия) *«Заметки о петербургском дачном фольклоре и материальной культуре конца XIX – начала XX века»* было отмечено, что «культура дачного общества была повторением русской культуры в целом, но в меньшем масштабе. Она носила разговорный характер». Данное заключение Д.С. Лихачева является отправной точкой рассуждений, предложенных в этом исследовании: представляется ли возможным очертить определенный тип устного творчества, порожденный дореволюционными дачами? Исторически исследованная через восприятие горожан, которые представили широкий выбор ее литературных и паралитературных образов, дачная местность сыграла немаловажную роль в трансформации фольклора в массовую культуру, внося свой вклад в стирание граней между «элитарным» и «народным», способствуя встрече различных

социокультурных миров (дачников и местных жителей). Взаимодействие, а зачастую и конфликт между этими двумя культурами в борьбе за присвоение нового быта разрешились с появлением ряда разнородных текстов и практик, помогающих понять механизмы формирования массового вкуса, связей между народным искусством и развлечением, производством и потреблением культуры в русском дореволюционном обществе.

Е.Н. Строганова, д.ф.н, проф. РГУ им. А.Н. Косыгина (Институт славянской культуры, Москва) представила доклад *«Дачные сюжеты в женской прозе рубежа XIX–XX вв.»*. Речь шла об особенностях дачных сюжетов в произведениях О.А. Шапир, М.В. Крестовской, Л.А. Чарской и некоторых других писательниц конца XIX – начала XX века. Одним из распространенных сюжетных мотивов оказывается дачный роман, который, по предварительным наблюдениям, развивается в двух основных вариантах: по типу либо курортного, либо усадебного романа.

В завершающем секцию докладе **М.С. Акимовой**, с.н.с. ИМЛИ РАН, к.ф.н., *«Усадьба реальная и усадьба литературная в жизни и творчестве С.Н. Дурылина»*, было отмечено, что исследователи творчества С.Н. Дурылина (Г.Ю. Карпенко и др.) считали усадебный мир его литературных воспоминаний *«В родном углу»* (1930–1942) теоантропным и иерархически центрированным. Это определяет особенности поэтосферы усадьбы, где, как в человеке, особым образом сопряжены предметное (телесное), душевное и духовное, причем последние являются определяющими. Дурылин описывает городскую усадьбу детства в Плетешковском переулке, московскую и одновременно провинциальную, с большим, каменным, добротным, старинной постройки домом *«без архитектуры»*, но с историей, вмещавшим в себя и многочисленных домочадцев, и продовольственные запасы, и семейные реликвии – целый мир, объединявший быт и бытие. Дурылин обращает внимание на полное соответствие дома укладу жизни домочадцев. Образ дома как человека и человека как духовного дома (*«Я начал реставрировать себя, – по тому фундаменту, который был заложен ее [матери] руками»*) восходит к притче о

строительстве дома на камне или дома на земле, рассказанной Христом ученикам (Лк. 6: 47–49).

Удивительным образом духовно-антропологическая усадебная реальность, ожившая в благодарной памяти и слове Дурылина, позже была воссоздана в физической реальности Болшева как некий слепок с ментальной реальности. «Свой угол» – дом в подмосковном Болшеве на ул. Свободная, 12 около храма Святых бессребреников Косьмы и Дамиана – был построен в 1936 году из остатков разрушенного московского Страстного монастыря, будто повторив «монастырскую» архитектуру дома в Плетешках, где «половина нижнего жилья была на сводах». Иконический образ дома перенесся в другое пространство и его формировал – конечно, не только архитектурно: «духовная сокровищница» (А.П. Галкин), «болшевское Абрамцево» (Н.Д. Телешов), дом Дурылиных в Болшеве стал центром притяжения интеллигенции и вообще духовно близких владельцу людей. Здесь тоже образовалась большая семья, связанная узами духовного родства; дом выполнял и жилую функцию, и музейную, и храмовую. Так переплелись жизнь, творчество и жизнетворчество С.Н. Дурылина, усадьба реальная и усадьба литературная.

Научная программа конференции завершила свою работу 26 сентября 2020 года.

Информация о Международной научной конференции «Усадьба реальная – усадьба литературная» (Москва, ИМЛИ РАН – ГЛММЗ «Мелихово», 25–26 сентября 2020 г.) опубликована на сайте проекта РНФ № 18-18-00129, портале ИМЛИ РАН, сайте ГЛММЗ «Мелихово», пост-релизе в Минобрнауки РФ.

<http://imli.ru/>

<http://litusadba.imli.ru/>

<https://chekhovmuseum.com/visitors/news/8363/mezhdunarodnaya-nauchnaya-konferentsiya-usadba-realnaya-usadba-literaturnaya/>

Также она будет размещена в 2021 г. в журнале «Известия РАН. Серия литературы и языка».

Отчет подготовила О.А. Богданова